

суждения, иное правление и природа, так и картины оного не могут походить друг на друга». ²⁶ Кроме того, над этим кругом проблем Муравьев мог задуматься еще ранее, летом 1777 г., прочитав роман Ж. Ф. Мармонтеля «Инки» (1777), который произвел на него огромное впечатление. ²⁷

В этом романе изображено именно столкновение двух типов культур, их взаимодействие, роковое для одной из сторон. Инки описаны в нем этнографически, не как «варвары», не как идеализированные «естественные люди», хотя отголоски такого подхода в книге есть, а как представители качественно иной, но имеющей такое же право на существование, как и испанская, цивилизации. Жестокость, варварство испанцев автор в предисловии мотивирует их «неистовым суеверием», под которым он понимает «дух гонения, не терпящий разномыслия с собою». ²⁸ Отголоски этих мыслей несомненны в «Разговорах мертвых». Ольга так объясняет свою жестокую месть древлянам: «Я исполняла добродетель язычества, ежели священное имя добродетели без осквернения может быть приложено ко мщению. Я действовала по несправедливым понятиям воспитания моего и народных нравов» (I, 254).

Мысль о качественном своеобразии и самоценности каждой культуры смыкалась с мыслью о качественном своеобразии каждой эпохи исторического прошлого: «Мгновенье каждое имеет цвет особый», ²⁹ — писал Муравьев еще в 1775 г.

Очень важно, что у Муравьева в одной и той же статье (открывающей цикл «Письма к молодому человеку» (1789—1791 гг.)), встречаются и отголоски просветительского отношения к прогрессу, и призыв исследовать качественное своеобразие каждой эпохи исторического прошлого, близкий Гердеру: «Те токмо происшествия заслуживают все наше внимание, которые были степенями или препятствиями народного восхождения от дикости и невежества к просвещению и знаменитости. Особливо достойны внимания наблюдателя нравы, владычествующий образ мыслей, успехи общества, правила, заблуждения, обряды, которыми отличается каждое столетие. Таким образом, история какого-либо народа есть лучшее истолкование умоначертания его» (II, 379—380).

В работах, описывающих общий ход развития России, отчетливо видны следы влияния этих двух подходов. Муравьев рисует русскую историю как постепенный, тернистый подъем по пути прогресса и просвещения, но одновременно настойчиво и последовательно пытается разобраться, в чем состоит качественная специфика русской культуры, каковы причины своеобразия каждой из эпох ее исторического прошлого.

²⁶ РО ИРЛИ, Р II, оп. 1, № 261, л. 19.

²⁷ См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 271, 282, 333, 340.

²⁸ Мармонтель Ж. Ф. Инки. М., 1801, т. 1, с. III.

²⁹ Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 137.